

к 1339254

АЛЕКСЕЙ ГАНИН

СУДНАЯ ТРУБА

*Московская городская
организация Союза писателей
России*

*выражает признательность
депутату Государственной Думы
Федерального Собрания,
руководителю Вологодского
регионального отделения
«Народной партии РФ»*

*Валентину Васильевичу Чайке
за поддержку в издании сборника,
посвященного 110-летию со дня
рождения*

АЛЕКСЕЯ ГАНИНА.

АЛЕКСЕЙ ГАНИН

СУДНАЯ ТРУБА

стихотворения

*Посвящаю живым –
сущим в часе со мной
за воротами Завтра
в ладонях Времени.*

Алексей Ганин

МОСКВА
2003 г.

ре
7/19 84(2=Руч)6

АЛЕКСЕЙ ГАНИН

СУДНАЯ ТРУБА

ISBN-5-7949-0170-5

© Алексей Ганин
© С.Куняев. Предисловие
© Оригинал макет, верстка форматирование
МГО СП России

Об авторе.

ГАНИН Алексей Алексеевич (28.07.1893-30.03.1925), поэт, прозаик. Родился в д. Коншино Кадниковского у. Вологодской губ. в крестьянской семье. После окончания 2-классного земского училища в с. Усть-Кубанском переехал в Вологду, где окончил городскую гимназию. В 1914 окончил Вологодское медицинское училище.

В 1913 состоялась первая публикация стихотворений Ганина на страницах вологодской газеты «Эхо».

Летом 1914 Ганин призывается в армию и проходит службу в Николаевском госпитале Петербурга. В 1916 состоялось его знакомство с *С. Есениным*, *Н. Клюевым* и *П. Карповым*.

В июне 1916 Ганин по состоянию здоровья демобилизуется из армии и уезжает в Вологду. 4 авг. 1917 он был поручителем со стороны невесты при бракосочетании *С. Есенина* и *З. Райх* в вологодской церкви Кирика и Улиты. Летом того же года совершил вместе с *Есениным* и *Райх* поездку на Соловецкие острова и к себе на родину, в с. Коншино.

С 1918 служит фельдшером в различных госпиталях Северного фронта и в военно-санитарном управлении Котласского района. После увольнения активно выступает в печати, издает в Вологде отдельным изданием поэму «Звездный корабль» (1920) и выпускает 10 малотиражных литографированных сборников стихов: «В огне и славе», «Вечер», «Золотое безлюдье», «Кибураба», «Красный час», «Мешок алмазов», «Певучий берег», «Раскованный мир», «Сарай», «Священный клич». Осенью 1923 Ганин переезжает из Вологды в Москву, где в 1924 выходит наиболее полный

и последний сборник его стихов «Былинное поле».

Ганин создавал в своей поэзии своеобразный сплав народного и модного в те годы символического понимания мира, усвоенного им от *А. Блока* и *А. Белого*. Вся крестьянская жизнь в поэзии Ганина - отражение, а может быть, и порождение идеальной духовной жизни мироздания. Поэма «Былинное поле» - вершина творческого понимания Ганиным жизни крестьянства как великой космической работы, рождающей живую связь человека с матерью-землей. В поэме мифы прорастают в современность и тянутся в тьму вечности, в историческое или даже доисторическое время человечества («А уж тысячу лет нам повелено: буде встретим мы Зорьку на пахоте, будет отдано в небо приданое, а земля - вековая кормилица»). Внуки Микулы, Зорька и Лада, Черные враждебные ветры, мелкая, но многочисленная нечисть - все персонажи сказочных, мифологических сюжетов и поверий живут в поэме Ганина, которая похожа на былинную запись из уст хранительницы былин Кривополеновой или фольклориста Рыбникова. А борьба Лады, Микулича и мужиков с нежитью-нечистью, с Черными вихрями, со сверхъестественными злыми силами природы и истории, по горькому убеждению Ганина, кончается разорением крестьянства, его расколом и вселенским раздором. В конце концов «распалась великая рать - черносошная сила»... А правнук Селяниновича 2-Микулич, желая догнать Зарю-Ладу, споткнулся, упал и сгорел. «С тех пор по утрам над полем широким проносится пахарь и конь в серебристом тумане...»

Стихи Ганина — о чем бы он ни писал — полны веры в Божественный Промысел, витающий над всем сущим. Бог для него был Любовью, разлитой во всем мире, Красотой,

растекающейся по лесам и косогорам родины, Светом, проникающим во все уголки природы и бытия. («О имени Твоем сегодня вечность спряла в душе моей любви Тебе крылатый стих. И слушал разум мой. И сердце повторяло узорную молву влюбленных губ моих»).

В 1923 Ганин завершил роман «Завтра», отрывки из которого были напечатаны в журнале «Кооперация Севера». Он интересен не столько своими художественными достоинствами, сколько подробностями быта глухого угла российской провинции, затерянного меж лесов Вологодской губ. Ганин остро передает ощущение российской глухомани, по-своему прекрасной и устрашающей. О происходящем в сердце русского государства местные мужики и бабы беседуют, словно о событиях др. планеты. Обмениваясь будоражащими и фантастическими новостями, они отправляются на болото за клюквой, на болото, которое манит их все дальше и дальше... Безмолвная глушь уводит от родных домов, завлекает, навеивает страх. Исторические события отдаленным эхом доносятся до этих глухих мест, выразительно обрисованных Ганиным, и родная природа этой глуши сама становится некоей угрожающей силой, готовой поглотить человека.

В 1917 Ганин пишет поэму «Сарай». Добро обернулось злом, храм - грязным сараем. Ангел-хранитель - сатаной. В поэме творится бесовская фантазмагория, кровавый шабаш; люди, ожидавшие «светлого хранителя», что поведет в «песнь обители», оказываются жертвами дьявольского обмана - «светлый хранитель» (масон) («откройте мастеру-строителю») приводит их на сатанинский пир, где они обречены стать добычей нечистой силы.

В 1923 Ганин вместе с Есениным, Клычковым и Орешиним арестовывается по обвинению в «ан-

тисемитизме». После писательского товарищеского суда, оправдавшего поэтов, он пишет тезисы «Мир и свободный труд народам», своего рода манифест сопротивления безбожной и чужеродной русскому народу власти. «Ясный дух народа предательски ослеплен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены... Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и прадедов завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславию, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние... Все многомиллионное население коренной России и Украины, равно и инородческое, за исключением евреев — брошены на произвол судьбы... За всеми словами о коммунизме, о свободе, равенстве и братстве народов таятся смерть и разрушение... Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы ее активная сила могла не только вести дальнейшую работу и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумели бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя ее к единой цели. К великому возрождению Великой России». 13 ноября 1924 Ганин в числе группы молодежи был арестован по обвинению в принадлежности к «Ордену русских фашистов». А 30 марта 1925 был расстрелян в числе 7 человек, как глава Ордена.

Соч.: Звездный корабль: Стихи. Вологда, 1920; Былинное поле. М., 1924; Стихотворения, поэмы, роман. Архангельск, 1991.

Сергей Куняев

ПЕВУЧИЙ БЕРЕГ

Буйным ветром к забытому дому
я на Буре-коне прискакал.
И опять на родимой соломе
под божницей резной задремал.

И открылось глазам зачерствелым
в полусвете меж явью и сном:
Конь мой огненный сумраком белым,
белым вечером стал за окном.

А с божницы синее поречья
глянул светлый и ласковый Бог,
И с мудреной безгласною речью
улеглась тишина на порог.

Золотым херувимом в лампаде
засиял золотой огонек;
О какой-то небесной награде
прошептался с избой ветерок.

И с полатай любимого Деда,
с бородой, как снег и пурга,
Свел дорогой по зорнему следу
сенокосить на божьи луга.

Взоржал конь многострунным молчаньем,
чуя корм неотцветших лугов,
И откликнулось мудро речами
на приступках златых облаков.

Вышла бабка из красна чулана,
встала в небе сребристой луной,
Чтоб на избу, на внука-Буяна
заглянуть в вырезное окно.

Поглядела, поникнула долу –
в злых годинах я стал уж не тот,
И прикрылася тучкой-подолом,
и рассыпала звезд решето.

И грустила, не злом ли я спутал
золотистых кудрей моих лен,
Не на слабых ли буйную удаль
разносил огнехрапый мой конь.

Только утром, под солнечным стогом
слышал я между явью и сном,
Ей рассказывал Дед босоногий
о слепом лихолетьи земном.

1916

УТРО

Мое жилище, Землею грешною,
печальный и убогий край,
любовью нежной и нездешнею
я полюбил, как прежний рай.

Одел поля пшеничным золотом,
пчелиным медом напоил,
И все преграды лунным молотом
рассыпал в звончатую пыль.

На всех путях, на веки черные,
где в медных вихрях шла Гроза,
Затешил свечи чудотворные,
поставил зори-образа.

Мой луг – заутреннюю радугу –
я натянул и луч – стрелу
Вонзил глухому зверю в пазуху,
точившему на поле мглу.

И растворилось небо синее.
И от лощин, из-за бугров,
Пошли толпами старцы сивые
на горний звон колоколов.

Орлица-мысль, и гривей зяблика,
за море в глуби уплыла
И Солнце – золотое яблоко –
в горящем клюве принесла.

1915

ЛЕСНЫЕ КУПЕЛИ

Где в лесные купели – затоны
расплеснулась лесная река,
Четки, вещи кукушкины звоны,
колокольная ель высока.

Гребень Солнышка выпал на травы,
нижет жемчуг под елями тень,
Заплелись тростники и купавы
в золоченый, зеленый плетень.

Накинут в неге кудрявые лозы,
черным струям дарят поцелуй.
Резвый пляс бирюзовки-стрекозы
завели над прохладой струй.

Сонно грезят лопух и кувшинка,
синий зной ароматен и пьян,
А в лучистых изломах песчинки
будто гроздь золотистых семян.

По кустам и заросшим завалам
птичьи песни прядет тишина
И зарею шиповники ало
расцветают, как в старь купина.

Звонко булькают скрытницы-рыбки,
убегая к корнистому дну,
И плывут водяные улыбки
гибким кругом лучистому дню.

Веще льются кукушкины звоны,
дремлет Солнце, припав в тростники,
На лесные купели-затоны
кто-то сыплет с небес васильки.

1915

ПРЕДУТРИЕ

Ушла слепая Ночь, а День еще далеко,
Еще блуждают сны и не родился звон.
Роятся лики звезд в молочной мгле востока,
Звезда зовет зарю взойти на небосклон,

С небес из чьих-то глаз роса пахучей меда
Струится в синь травы, чтоб грезил мотылек.
Цветы ведут молву про красный час восхода,
Целуется во ржи с колосьем василек.

На туче золотой застыли серафимы.
И песнь, как тишина, плывет из красных
гнезд.

Багрян костер зари... И в голубые дымы
Оделася земля, проникнув к тайнам звезд.

По скатам и холмам горбатые деревни,
Впивая тишину, уходят в глубь веков.
Разросся темный лес, стоит как витязь
древний –
В бровях седые мхи и клочья облаков.

Раскрылись под землей заклятые ворота.
Пропал из глубины предсолнечный петух.
И лебедем туман поднялся от болота,
Чтоб в красное гнездо снести свой белый пух.

Немы уста небес. Земля вздыхает кротко.
Взмахнула где-то Ночь невидимым крылом.
И ласковый ручей, перебирая четки,
Поет, молясь судьбе, серебряный псалом.

И будто жизни нет, - но трепет жизни всюду.
Распался круг времен, и сны времен сбылись.
Рождается Рассвет, - и близко, близко чудо:
Как лист – падет звезда, и солнцем станет
лист.

* * *

Она придет, неведом час,
в дверях шаги прольет, как струи.
Придет и тихо поцелует
морщины у молящих глаз.

И небо синее в окне
последний раз светло приснится
и улетит к иной Весне
крылом незримой голубицы.

Под белым гробовым холстом
вздремнется телу тихо, сладко.
И кто-то ласковой украдкой
холст озарит златым крестом.

То Дед, давно умерший Дед,
весь в солнышке, в седом наряде,
объявится в луче лампы, -
и загорится звездный след.

И все, чем жизнь гнела и жгла,
спасет легко в прощальном часе.
И Дух вспарит из тины зла,
первоначально чист и ясен.

Стыдливо склонятся друзья,
качаясь в ладане и дыме, -
и встанем скорбью между ними,
глядя на труп, Она и я.

А за окном дела и сны,
в тоске и горечи бесплодной,
заплачут ветром мимолетным
на ухо вечной тишины.

1917

* * *

Мне гребень нашептал,
 что волосы редеют,
Что скоро заблестят, как иней седины, –
И тише за окном,
 на старых сучьях рдея
Тоскует солнцепек о радостях Весны.

В холодной синеве природа онемела,
Поднялся белый сон
 над стынущим ручьем.
И где-то далеко за рощей прозвенела
Осенняя печаль отлетным журавлем.

По скошенным лугам
 блуждает желтый ветер,
Взмахнет седым крылом,
 поплачет у куста, -
И роем золотым от сгорбившихся ветел
Взовьется к облакам
 засохшая листва.

И чудится Душе, встревоженной мечтами, –
Безглазый лик времен
 дохнул из прошлых бурь,

Ветлою гнется жизнь,
и мчатся дни за днями
Певучей желтизной в предвечную лазурь.

По выцветшим холмам
в туманном синем поле
И юность, и мечты
с ватагами страстей
Летят куда-то прочь
в последней буйной воле
На огненных хребтах
взбесившихся коней.

Клубятся в небесах пылающие гривы,
Все дальше звон копыт,
все дальше красный скач, -
И синяя печаль в природе молчаливей,
И в сердце, как любовь,
таится тихий плач.

Бледнеет Солнцепек,
лучом спавший волос
Сквозь гребень проскользнул
с открытого чела,
И где-то за спиной
понятней шепчет Голос,
Что нет уже Весны, и Юность отошла.

1919

Одежды из солнечно пряжи
Истлеют на крыльях зари,
И солнце лица не покажет
За горбом шербатой горы.

II.

Косматым лесным чудотворцем
С печальной луной в бороде
Пойду я и звездные кольца
Рассыплю по черной воде.

Из сердца свирельзолотую
Я выкую в синей тоске
И песнь про тебя забытую
Сплету на холодном песке.

И буду пред небом и морем
Сосновые руки вздымать,
Маяком зажгу мое горе
И бурями-песнями звать.

Замутится небо играя,
И песню повторит вода,
Но ветер шепнет умирая:
Она не придет никогда.

III.

Она далеко, - не услышит,
Услышит, - забудет скорей;
Ей сказками на сердце дышит
Разбойник с кудрявых полей.

Он чешет ей влажные косы –
И в море стихает гроза,
И негой из синего плеса
Как солнце заискрят глаза.

Лицо её тихо и ясно,
Что друг её, ласковой струй,
И песней о вечере красном
Сжигает в губах поцелуй.

Ей снится в заоблачном дыме
Поля и расцвеченный круг,
И рыбы смыкают над ними
Серебряный, песенный круг.

IV

И снова горящие звуки
Я брошу на бездны морей.
И в камень от боли и муки
Моя превратится свирель.

Луна упадет, разобьется.
Смешаются дни и года,

И тихо на море качнется
Туманом седым борода.

Под небо мой радужный пояс
Взовьется с полярных снегов,
И снова, от холода кроясь,
Я лягу у диких холмов.

Шумя протечет по порогам,
Последним потоком слеза,
Корнями врастут мои ноги,
Покроются мхами глаза.

Не вспенится звездное эхо
Над мертвою зыбью пустынь,
И вечно без песен и смеха
Я буду один и один.

1917

* * *

В поле безлюдно. Я в поле один.
Вижу: от Севера встал Исполин;
Вырос до неба, дохнул на поля, -
Вытекла мутная синяя мгла.

Космы взметнулись вихрями вьюг.
Солнце без света зачертилось в круг.
Песни, чье имя Любовь и Мечты, -
Льдами легли в снеговые цветы.

Мерно качаясь, идет Великан,
Стынет под гулкой пятой океан.
Вечной пустыней легли следы,
В ладонях – колючие облака-льды.

Звездные птицы уснули в кудрях,
Снежны горы на хвойных бровях,
Мутно воззрились с вышины
Синие бельма – две мертвых луны.

Тянется, зыблется смертная мгла,
В синем огне цепенеет Земля.
В поле безлюдно. Я в поле один,
Здравствуй, мой добрый, мой
злой Господин.

Все под снегами утихнет, умрет,
Звездной птицей мой дух
вспорхнет,
Льдами покроется солнечный лик.
В поле никто не услышит крик.

* * *

Я прихожу к тебе мечтать
О забытой моей отчизне,
И сон предвечной тайной жизни
В тиши верней воскрешать.

Я в вихрях солнечных летал
Золотокрылой, вешей птицей,

В моих глазах цвели зарницы,
И был полет мой ярко – ал.

Я песней ткал судьбу миров,
Вещал кончины и начала.
И песнь моя миры качала
На золотых волнах веков.

Дрожала голубая мгла
От взмахов огнепальных крылий
И рощей лунных черных лилий
В бреду гадальческом цвела.

Но вдруг я сам в себе согрел
И принял образ человеческий.
И золотым дождем далече
Наряд перистый улетел.

А крылья огненным смерчем
Взвились среди звездных хороводов,
Мой клюв в пожар мирских восходов
вонзился золотым лучом.

И я – угасший, в новом сне
Упал в покой земных селений.
И вот, - в тоске моих томлений
С тобой мечтаю в тишине.

Гонимый совестью незримой
За чью –то скорбь и тайный грех,
К тебе пришел я край родимый,
Чтоб полюбить, прощая всех.

В твоих полях, в твоём покое,
В шелковых мхах твоих ланит
От Зла и каменного воя
Я думал сердце схоронить.

Я думал бред души неверной
Стряхнуть в безвременной поре
И за лесной твоей вечерней
Молится радостной Заре.

Украдкой выгоревать стоны
Под синюю звездного шатра
И расплеснуться красным звоном
В твои певучие ветра.

Но кто-то дико заглумился
Над сном и сказкой вековой,
И новым перстнем обручился
Я с той же скорбью полевой.

Опять над Русью тяготееет
Усобиц княжичий ненедуг,
Опять татарской былью веет
От расписных, узорных дуг.

И мнится: где-то за горами,
В глуби степей, как и тогда,
Под золочеными шатрами
Пирует ханская орда.

Опять по Волге буйно-красен,
Обнявшись с пленною княжной,
В узорных челнах Стенька Разин
Гуляет с вольной гольтыббой.

И широко по скатам пашен,
Разнесшись в кличе боевом,
И днем и ночью грозно пляшут
Огонь и Смерть в краю родном.

А по лесам, где пряжи Ночи
Сплетали звездной пряжей сны,
Сверкают пламенные очи
И бич глухого Сатаны.

Умолкли песни голубые,
И с травяной твоей спины
Сорвали ризы парчевые
Твои неверные сыны.

И ты исстеганные руки
Возносишь к правде неземной,
И злей смеётся крестной муке
И добрый друг, и недруг злой.

Неотвратимо роковое
В тебе гнетёт твоих сынов, —

Но чует сердце огневое –
Ты станешь сказкой для веков.
1917 – 1918

* * *

Спустился Ангел смуглолицый
От семицветных райских врат
В долины мук к лесной божнице
О чем –то тайном погадать.

Вдали тоскующую просинь
Окутал бархатом полы
И разбросал по сучьям сосен
Охапки предвечерней мглы.

Пожаром золотым расправил
Шесть крыл на даль закатных стран,
Озерным вздохом закудрявил
На пожнях розовый туман.

Заворожил по плесу речки
Молочных чаек синий крик,
Горящий воск незримой свечки
Накапал на небесный лик.

Пошел по сизым косогорам,
Занес в избенки райский сказ.
И не заметил в тихом горе,
Как золотой пожар угас.

И васильковый сон сплетая,
По морю задремавшей ржи
Хотел умчаться снова к раю,
Но умер на цветах межи.

* * *

Гору скорби День взвалил на плечи,
В суете душа весь день купалась,
И людские речи, будто мухи,
О тцете с полуденя жужжали.

Но свалился шумный день,

и зноем

Суета и скорбь с души ниспали.
А слова – их звездный луч коснулся –
На Устах, идущих в сон, почили.

И душа, омытая слезами,
Обнесла над миром песни-очи,
Зацвела, как облако златое,
Погружаясь в тайны мироздания.

И узрел мой взор преображенный
По заре ходящих Серафимов,
И в заре, целующую землю,
Золотые пальцы Саваофа.

О судьбе, о чадах неразумных
В этот час прамать-Земля грустила,
И в устах, как жертвенная чаша,
Голубое озеро дымилось.

Войдешь ли вновь сладчайшею женою
В мой тихий сад, в мой огненный цветник?
Закат в ночи. С восхода до заката,
Таясь тщеты, я пил сладчайший мед.
И песнь любви тебе, быстрокрылатой,
Слагал в тиши, чтоб славить твой приход.
Таясь тщеты и бранных ликований,
От торжищ зла неистовой земли
Певучий жар чистейших воздыханий
Мои уста устам твоим несли.
Моя душа под ливнем злых мгновений
Взрастила вновь стыдливые цветы
И в пляске бурь сквозь крик смердящих теней
Ревниво шла, - но что же медлишь Ты?
Что медлишь Ты, священные колосья
Я сжал с холмов, где в злаках жизнь вечна,
И в дар Тебе от Солнечного Лося
Навьючил тюк отборного зерна.
И все гляжу: над белою страную,
Где стянут мир последнею чертой,
Мелькнет ли вновь багряною зарею
Твое кольцо, твой пояс золотой.
Явись скорей! На малый счет мгновений
В оглохший слух пролей небесный звон...
Во имя ласк Твоей воздушной Тени
Не я ль отверг земные ласки жен:
В земных путях, где звездной нет печати,
Где нет тебя, я все отверг, как зло,
И за Тобой в твой белый круг объятий
Иду в края, где солнце расцвело.

ПОЭМА

Жене Гале

Честь, богатство, и слава, и власть —
все случайно на горестном свете.

Жить легко,
еще легче пропасть...

Только есть золотая примета,
что из сердца любовь
даже смерть не сумеет украсть.

В том краю,
где тайгу извалял дровосечный топор,
где немало цветов попримяла холодная
осень,
от седых, незапамятных пор
кличут путника древние куполы сосен...

А у сосен – могильный бугор.

И на том на могильном бугре
всем, кто счастье в пути потеряет,
будь он молод и свеж,
иль кудрями белее пурги,
три волшебных цветка расцветают
и поют о минувшей поре.

Не спалось и заре у холмов.
Торопились друг к другу ручьи
рассказать, как звонки поцелуи,
как людские уста горячи...

А наутро в пылающей сбруе
мчались жаркие кони-лучи...

Да одна только в мире Беда
в глухоте про любовь не слыхала,
в слепоте забрела не туда
и к счастливым в жилье постучала:
Встаньте, близится вражья орда...

Что мечи не берут, то огонь
расчищает кровавой облаве...
Малых – вытопчет бешеный конь...
Храбрым – смерть или вечная слава,
а красавицам - горький полон.

Тут возлюбленный крикнул, как гром:
“Лучше смерть, чем полон у поганых!”

И три дня, и три ночи
стоял над селом
грозный клич,
а в сердцах ураганы.

И кто мог, подружился с мечом.

А в четвертый рассвет во дворах
ржали кони, готовые к брани

Подымалась кровавым пожаром заря...
И звенели щиты и колчаны,
и кольчуги на крепких плечах.

До полудень друг друга челом
клали вольны люди великий зарок и
поклоны,
целовались на путь за родимым селом...

А в полудень умчали их кони,
только пыль закружилась столбом,
да сверкнули в последний привет
в ясном солнце стальные шеломы...

Затуманился за полем свет...
Почернела от скорби
на хатах дремливых солома,
и гадали по травам
им красные девушки вслед.

Лишь Она
у печальных растань
билась чайкой от черной разлуки...
Будто гибкая ива, сгибался рыдающий стан,
и метались простертые руки
белым пламенем в черный туман...

Разрывалась, как туча, девичья душа.
Плыл в далекие звезды
древний плач,
белый стон причитаний:
“Вам ли, звезды, тоску утешать?”

Не к добру, на разгульные брани
воронье в поднебесьи спешат...”

И недаром. Кто стар, от земли
слышал тяжкие стоны за полем...
Все костями на степях полегли,
кто рубился за вольную волю...
А красавицу мертвой нашли.

Гибкий стан покрывала трава.
Плакал ветер, запутавшись в косы,
из очей утекла по лугам, за холмы синева...
И желтели от скорби покосы,
и кружилась с берез
золотая по ветру листва.

Много пролито
детских и старческих слез.
Много туч пронеслось над девичьей могилой...
А весной только холм
муравою порос,
Из степей, от Любезного Милой,
ворон алое сердце принес.

Каркнул ворон три раза в века
вещим криком и крови, и стали:
«Горек мир...» И вспугнулись века,
будто птиц перелетные стаи...
И из сердца в тот час
расцвели три волшебных цветка.

И утихнет молва. Только стон
 в каждом сердце обернется песней.
Первый – юность вернет из времён,
Жар любви от второго воскреснет,
С третьим ... смертный пригрезится сон.

И вовек те цветы не умрут,
Их ни буря, ни гром не колышут.
И никто не минует тот путь.
Но довольные песен не слышат,
А счастливые спешно пройдут.

1917

ПАМЯТИ ДЕДА

Поэма

Старому деду

 всю жизнь хорошо не сыпалось...

И жизнь-то была ни к чему,

 как худая онуча,

а только петух кукарекнет, и зорька

 откликнется ало –

Дед уже смотрит в окно,

 как серебро-туча...

Смотрит, зевая, на небо,

 где звезды от глаз человеческих,

 будто мальё Белозерское, спешно

 ныряют в глубокое Сине.

Глянет в поле. И где-то далече, далече

 в поле кричат журавли...

И Дед уже знает по крику: будет ли ведро

 будет ли непогодь ныне.

Ясному в мире светло:

 взгляд белолицей березы,

 роса на траве,

 голубые туманы за рощей

 и птичья повадка –

всюду приметы,

 кто в тысячный раз

 просыпается в красной заботе

 о хлебе.

Старому Деду раскрыта
зеленая книга земли.

Всюду начертано:
зверью таится в лесах и следить
за добычей;
птице порхать и звенеть,
а человеку –
в трудах украшаться под небом.

Прост и не горек зарок для нехитрого Дедова
сердца:
выедет, было, на пашню и пашет,
а Сивка кнута не попросит.

И только, когда уж два пота
в морщинах над бровью просохнут,
бабы начнут полоскать языки у колодца.
И, мягко шагая по росам,
Солнышко придет в село
и похвалит уставшую Дедову соху.

Скажет спросонок:

“Бог помочь!”

А Дед остановит коня
и, шутя, попеняет:
“Ай, Солнышко, Солнце,
долгонько ты что-то каталось за лесом,
не бабий проворный язык –
небось бы проспало все лето”.

Пошутит, прищурит глаза
и опять по лехе погоняет.

А Солнышко встанет, широко улыбнется,
лучистую шапку высоко на тучку повесит,
умоет росой лицо
и ясное ходит по свету.

Веселы Деду дни на земле,
не скучно и Сивке, -
таскают любимую соху.

Труд и терпение, как песня,
обоим бодрят стариковские кости.

И мило им все:
и крик ребятишек в селе,
и беседы ленивых в раскуре,
и черные лехи,
и радость грачей, что ходят по склонам,
как важные гости.

Все им, как песня.

И серую жизнь, незаметно, в узорах нужды
да заботы,

Солнце носило по полю
и Дедовы дни украшало.

Дед серебрился все пуще,
но рук положить неохота,
хоть много, ой много,
соха под руками земли-чернозъму

изжевала.

Много, как у бога звездок, рассеяно, собрано
зерен,
а спать – хорошо не сыпалось.

И не черная совесть,
не скорбь о ненужном житье человеческом
сны отгоняли,
а сердце разведало:
Сном не излечишь усталость.

И жизнь подсказала:
Не красная доля мочалить порты о заплечье.
Вот смолоду Дед и дружил
с петухом да с зарею пригожей.

Сквозь голубые глаза
и небу
и высокому Солнцу,
и каждой былинке
и птахе
тысячи дней улыбалось
Дедово сердце...

А сегодня, на грех, задремал на широкой скамье
под божницей
и чует, что все уже проснулось,
а сам приподняться не может...
Хочет глаза распахнуть
и, будто созревшая рожь,
заплелися ресницы.

Вязнет в Забвение душа,
как олень златорогий в трясине.

Хочется Деду внучонка позвать
и не родится слово...
А день широко разгулялся
под небом глубоким и синим,
и Сивку впрягли уже другие
распахивать вешние нови.

Все на селе, как и прежде,
лишь по-новому гвозди,
чуется, где-то вбивают
и пилят сосновые доски...

Кому-то неладное ладят...
А рядом ворчливые куры кудахчут,
что бабы опять
обокрали все гнезда...

И по-новому Солнышко
сидит у окна
и ласково Дедову бороду гладит.

Боговым маслом и ладаном,
воском топленным
и жито
празднично пахнет в избе.
Тихо, как в церковь, приходят соседи.

И Дедова жизнь, что была незавидней онучи,
как Троицын день,
у всех на губах
красовита.

И диво и радостно Деду.

Дивно и радостно. А что приключилось?
Не знает.
Только сладка неизбывным покоем дремота

Где-то за полем
о вечном безветрии
новые птицы в отходной заре прокричали...

И видит: из груди, что ветер,
летит лебединое стадо –
земные заботы,
печали.

Как в церкви, сегодня у Деда в избе.
Не в синих и грязных заплатках,
а белой холстиной покрытый,
он дремлет на лавке широкой,
как серебро-туча...

И плачут под красным окошком,
о Дедовых сказках,
о пряниках в сусле
внучата...

И будто о чем-то на полке
мохнато задумалась
шапка...

И тихо тоскуют у двери
Дедовы лапти с онучей.

1918. февраль

РАЗУМУ

Поэма

1.

Мой бедный шут, мой поводырь слепой,
Мы подошли к вратам последней тайны,
А Ты кричишь и тешишься игрой,
Как в первый час Зари моей случайной.

Но час Зари сторел в дыханьи Дня,
И День ушел по облачным карнизам.
Ты не узнал творящего огня
И не коснулся края светлой ризы.

И в нашем храме жертвенник угас,
Поднялся дым и серые туманы.
И Ты в бреду пустился в дикий пляс,
Закрыв алтарь и опьянел обманом.

Дрожа, одел узорчатый колпак,
А мне – венец с кровавыми зубцами.
И пел, смеясь, что весел только мрак,
Кривил лицо и звякал бубенцами.

2.

От боли в сад, где скрылся вечный День,
Моя душа лучом от нас умчалась,
И я, как прах, а Ты – кривая тень,
В туманах лжи, злословья, закачались.

Мы прежнее сожгли и убежали прочь
В кричащий путь искать

иные храмы.

За нами вслед плыла глухая ночь,
Свивая небо пухлыми руками.

Во чреве Ночи корчился набат.

Дышали вихрями

всклокоченные Грозы,

Разинув пасть, рычал чугунный Гад,

Глотая звезд спадающие гроздьа.

Тянулись ввысь обозами гроба,

Из саванов глазели мертвых лица.

Оскалив рты, кивали черепа,

И с черным карканьем носились птицы.

Но Твой колпак струил все тот же звон,

И страшных тайн Ты в пляске не заметил,

Провел меня по странам всех времен,

И каждый шаг огнем и кровью метил.

Ворвался в храм с гремушкой небылиц,

Где Вечность держит солнечную чашу

И медом жизни поит райских птиц,

И бросил яд, чтоб вечность стала краше.

“Я – бог богов”, в безумье начертал

На свитке времени, печаль свою лелея,

Мою любовь как ненависть развеял,

Дробил миры и червем уползал.

САРАЙ

Поэма

*Посвящаю живым –
сущим в часе со мной
за воротами “Завтра”
в ладонях Времени.*

Лежу у храма на плите,
Жду с неба светлого хранителя,
Вот придет в зорней красоте,
Раскроет дверь – и в песнь обителя
Уйду, погрязший в суете.

И так лежу часы и дни,
Года, века... Лежу недвижимый.
За тучами горят огни,
Струится звездный дождь на хижины,
А мы с грехом моим одни.

И не могу раскрыть глаза:
Срослась глухая тьма с ресницами,
Грех злое сердце облизал...
И чую, - с огненными птицами
Перекликается Гроза.

И вот пришел, но света нет,
А крылья – черной ночи сумрачней...

Мы вихрем страшный шаг прошли,
Стучится в дверь, никем не встреченный,
Мой темный проводник Земли.
И в нос из щелей дух мертвечины
Плывет. А дверь в крови, в пыли.

Стучит:

Откройте, гость пришел,
Откройте мастеру-строителю,
Откройте дверь скорей –
и вот
Зажглись бледно два красных фитиля.
И он толкнул меня вперед.

Два трупа растворили дверь:
Глаза давно червями съедены,
Сползает кожа, в язвах прель,
И зубы судорогами сведены.
Вошел, Смеюсь им, точно зверь.

Я рад?... чему?... В сарае пир.
Гремит нестройно чья-то музыка.
На трупах золотой кумир.
Кругом танцуют знать и блузники.
Нет окон... в щелях горний мир.

Жонглер с кометой.

С плетью маг ...

Кричат: Любовь не упомянута.
Незримой цепью сдавлен шаг.
Все лица масками затянуты.
Как угадать: кто друг? кто враг?

Ищу знакомых – нет лица.
Ищу живых – все сны могильные.
И в дикой пляске без конца
Несутся кости, мясо пыльное.
Нет силы. Не порвать кольца.

Гнетет зловещая беда.
Для всех на столики точеные.
Разложен красный труп – еда ...
А в щели, с неба закопченного
Зачем-то смотрится звезда.

Кружусь. Кружусь – и все летит.
Пьяней пьянею трупным запахом.
В руке плита – могильный щит,
И кто-то хочет буйным замахом
Перекусить сознания нить.

Толкаю в трухлые бока
Мужчин и женщин. Пьяный ползаю
В дыму, в зловонных облаках,
А рядом в страсти трупы ерзают
И ползает Змея – тоска.

Глаза уткнулись в чей-то зад.
Опять затылки ... бедра потные...
Лохмотья грудей ... Ломит глаз.
И всюду возгласы животные.
И в сердце – яд, смертельный яд.

И слышу, говорит кумир:
“К победному столу, кто званые”.
Все званые Сарай – весь мир.
Идут тела, гниением рваные,
Отпраздновать последний пир.

Садятся за столы цари.
Их головы на блюдо сложены.
За милость от рабов дары...
И все, с отрубленными рожками,
Пришли, кто украшал дворы.

Пришли, кто знатен и богат,
Их шеи золотом затянуты,
И всяк нужде и горю – брат,
Землей и звездами обманутый
Пришел...И все поют, галдят.

Шумит обед стенаньем мук.
Сарай гудит свинцовым говором.
Обрывки ног своих и рук
Едят и шумно хвалят повара,
Но речь без звука...

Мертвый звук.

И пуще носят повара,
В воронках от снарядов взорванных...
Мозги, кричащие “ура”,
И кашу - с грязью тел изорванных,
Не знавших Солнца и Утра.

На поварах стальной наряд.
Без глаз – все звонко смотрят шпорами,
И каждый горд, и каждый рад,
Что женщины с гнилыми взорами
И мертвые на них глядят.

Я тоже гость. И вот сижу
Среди гостей, в пиру замешанный,
И чьи-то черепа гложу.
А по стенам кишки развешаны.
И трупы свежие...

Гляжу...

Тошнит огнем. Привстать...

Привстать?

Куда? Шепчусь тихонько с мыслями.
Мышонком бы в дыру бежать.
Вот мимо носят коромыслами
Живую кровь...Ковши звенят.

Все пьют. А женщины волной
В глаза мужчин ныряют голыми.
Все слепнет. Пьяно. Злее злой.
И мысли, как бумага,

в полыме

Чернеют и летят золой.

Как полночь, закоптел Сарай,
В кумире дьявол обнаружился...
Под маской вместо глаз дыра,
Стальные челюсти напряжились
Чтоб званых и незваных жрать.

И всякий понял: свет угас...
И в страхе трупы разбегаются.
Слепые с воплем ищут глаз,
Скелеты мясом одеваются, -
Но сгнило все. Все стало –
грязь.

И всякий с криком маску рвет,
Чтоб в небе отразиться лицами.
Но лиц уж нет, напрасный счет,
Все лица съедены мокрицами,
Покамест разлагалась плоть.

Бледно погасли фитиля.
Сердца глухие и неведущие –
Сдавила всех одна петля.
Бегут от тьмы... На звезды здешние.
Вдоль скользких стен ползу и я.

Опять гроза на облаках...
И снова пьяный хохот в запятки.
И трупы расползлись впотьмах...
И слышу: дети в рваных лапотках
Хрустят у Дьявола в зубах.

И вновь бегу в ночи пустой,
Оглохший, слепотой измученный.
И пляшут трупы за спиной.
А небо грозно вздулось тучами,
Беременное красотой.

1917

СОДЕРЖАНИЕ :

С.Куняев Об авторе.....	3
Стихотворения :	
Певучий берег	7
Утро.....	8
Лесные купели	9
Предутрие	10
«Она придет, неведом час».....	12
«Мне гребень нашептал...».....	13
«Сойди, сойди огнем, Рассвет...».....	15
I. «Русалка – зеленые косы».....	16
II. «Косматым лесным чудотворцем...».....	17
III. «Она далеко – не услышит...».....	18
IV. «И снова горящие звезды...».....	18
«В поле безлюдно»	19
«Я прихожу к тебе мечтать».....	20
«Гонимый совестью незримой».....	22
«Спустился ангел смуглолицый».....	24
«Гору скорби День взвалил на плечи»	25
«Уж твердь темна»	26
П о э м ы	
«Честь, богатство, и слава, и власть...».....	28
Памяти Деда	34
Разуму	41
Сарай	44

Набор, верстка, форматирование
Н.П. Шевцова
Тех. редактирование М.Л.Вьюнник

ГАНИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

СУДНАЯ ТРУБА

ISBN-5-7949-0170-5

М.: Московская городская организация
Союза писателей России

25=00

Сдано в набор 31.07.03
Подписано в печать
Формат 60x90 1/16
Гарнитура Times. Печать офсетная
Тираж 200 экз.

Отпечатано в МЦ МПО

